

Л. И. Снегирева

ЭВАКОПУНКТЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ИХ РОЛЬ В ЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОН (1941–1943 ГГ.)

Анализируется деятельность эвакопунктов – важнейшего звена эвакуационного механизма, принявшего на себя всю тяжесть работы по перемещению населения из прифронтовых областей в западно-сибирский тыл.

Ключевые слова: эвакопункты, эвакуация, Великая Отечественная война, эвакуационный механизм.

Трагическое начало Великой Отечественной войны, ее характер, жестокий оккупационный режим, необходимость нормального функционирования военной экономики, обеспечения ее рабочей силой сделали неизбежной массовую эвакуацию из прифронтовой полосы населения, материальных и культурных ценностей в тыловые районы страны.

Эвакуация населения была осуществлена в два этапа. На первом она была наиболее массовой и шла с лета 1941 г. до весны 1942 г. На втором проводилась в меньших размерах, с более ограниченной территории с лета 1942 г. по осень 1943 г.

Работу по эвакуации возглавили ЦК ВКП (б), СНК СССР, Государственный комитет обороны (ГКО), созданный 30 июня 1941 г. Поскольку готовых органов управления эвакуационным процессом в стране не было, поиск и создание их велись в условиях войны. 24 июня 1941 г. по решению ЦК ВКП (б) и СНК СССР был образован Совет по эвакуации во главе с Л. М. Кагановичем, которого 3 июля 1941 г. на этом посту сменил Н. М. Шверник [1, с. 3–4, 17]. Совет по эвакуации стал координирующим органом в масштабах всей страны по перебазированию людских и материальных ресурсов на первом этапе эвакуационного процесса (лето 1941 г. – весна 1942 г.).

В первые месяцы войны эвакуацию населения осуществляло Главное переселенческое управление при СНК СССР. По решению ГКО от 26 сентября 1941 г. оно было реорганизовано в Управление по эвакуации населения во главе с зам. председателя СНК РСФСР К. Д. Памфиловым [2, с. 20, 298–299]. Совет по эвакуации работал с 24 июня по 25 декабря 1941 г. К этому времени основная волна массовой эвакуации спала. Руководство страны решило сосредоточить основное внимание на обустройстве эвакограждан на новых местах. В конце декабря 1941 г. Совет по эвакуации был расформирован. Постановлением СНК СССР от 31 января 1942 г. было ликвидировано Управление по эвакуации населения. Вместо него в составе исполнительных комитетов советов были созданы отделы по хозяйственному устройству эвакуированного населения [3, л. 1].

Эти органы под руководством Комиссии по эвакуации, созданной по решению ГКО 22 июня 1942 г., решали вопросы по осуществлению второго этапа эвакуационного процесса (лето 1942 г. – осень 1943 г.). Комиссию, как и Совет по эвакуации, возглавлял Н. М. Шверник.

Эвакуация населения из прифронтовых районов в тыл страны поставила перед партийными и советскими организациями Западной Сибири множество сложных задач. Решая их, местные органы власти Сибири опирались на законодательные и административно-правовые акты, в которых определялись порядок приема, размещения, учета, трудоустройства, социального обеспечения эвакуированного населения и др. [4, с. 156, 184, 223, 224, 231].

Важнейшим документом в этом направлении было постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». 5 июля 1941 г. оно было дополнено постановлением «О порядке эвакуации населения в военное время» [5, с. 547–548]. В этих документах были определены главные задачи и первоначальные объекты эвакуации. Перемещению на восток в первую очередь подлежали квалифицированные кадры рабочих, ИТР, служащих, дети, старики, женщины, молодежь.

Сформированные в СССР в годы войны структуры, осуществившие эвакуацию, а затем и реэвакуацию, можно назвать эвакуационным механизмом. Важнейшим его звеном, принявшим на себя всю тяжесть перемещения населения из прифронтовых в тыловые районы страны с первых и до последних дней войны, были эвакопункты. Деятельность эвакопунктов регламентировалась Положением об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы [2, с. 20, 288–289].

В отличие от «выходных» и «транзитных» эвакопунктов, действовавших в прифронтовой полосе и по пути следования, в Сибири (как тыловом районе) была развернута сеть «принимающих» эвакопунктов. Они решали целый комплекс вопросов, возникающих в связи с эвакуацией: вели регистрацию и учет эвакуированного населения в местах по-

грузки и выгрузки; выдавали документы; обеспечивали хлебом, горячими обедами, кипятком, отоваривали рейсовые карточки; решали бытовые вопросы, связанные с хранением вещей, продажей билетов и предметов первой необходимости; осуществляли медико-санитарное обслуживание проходящих поездов; вели политико-массовую и культурно-просветительскую работу среди прибывших.

Создавались они на железнодорожных станциях и речных пристанях, содержались за счет союзного бюджета (кроме обеспечения их оборудованием, медикаментами и санитарно-хозяйственным инвентарем, которое производилось за счет местных ресурсов), подразделялись на категории 1-го, 2-го классов. Эвакопункты 1-го класса выполняли полный объем стоящих перед ними задач. Функции эвакопунктов 2-го класса были ограничены постановлением СНК СССР от 14 июля 1941 г. «Об ассигнованиях на содержание эвакопунктов». Был установлен размер расходов на содержание одного эвакопункта 1-го класса в месяц 17 тыс. руб., 2-го класса – 12 тыс. руб. Только за три первых месяца войны государство выделило на эти цели 5,5 млн руб. [6, л. 312–314].

Первый эвакопункт в Сибири был открыт в Омске 9 июля 1941 г. Это был эвакопункт-распределитель, откуда эшелоны с эвакуированными направлялись во все районы Западной и Восточной Сибири в Среднюю Азию и Казахстан. Его возглавил Т. Ф. Трофимов. Штат эвакопункта состоял из 36 человек [2, с. 43–49].

Крупнейшим в Сибири был Новосибирский эвакопункт. Он начал работать с 21 августа 1941 г. как эвакопункт 1-го класса со штатом 39 человек. Возглавил его И. Барбанак [7, л. 60, 149].

Количество эвакопунктов, их отделений, их штаты менялись в зависимости от потока эвакуированного населения. Так, Новосибирский эвакопункт, начав работать в августе 1941 г. со штатом 39 человек, к 16 апреля 1942 г. имел всего трех дежурных и одного помощника, которые в таком составе работали до 1 августа 1942 г. С началом второго этапа эвакуации штат был увеличен до 11, а потом 15 человек [2, с. 254].

Эвакопункты меньшего масштаба действовали в Томске, Тюмени, Тобольске, Бийске, на ст. Карасук, в Ялуторовске, Ишиме, Калачинске и др. [8, л. 37, 5]. Временные, остановочные пункты создавались и на предприятиях, на период решения вопроса о расселении и предоставлении жилья прибывшим [9, л. 92, 102, 113–114]. В конце августа 1941 г. в стране действовало 128 эвакопунктов, из них 82 – 1-го класса [10, л. 313].

Эффективность работы эвакопунктов зависела от многих факторов: кадрового состава, материально-технической базы, интенсивности эвакуаци-

онных потоков, помощи со стороны местных властей и общественности.

Эвакопункты Сибири создавались и работали в сложных условиях. Для развертывания Омского эвакопункта-распределителя решением облисполкома были переданы помещения железнодорожной школы № 8 и четырех школ гороно (№ 20, 33, 36, 46). Эвакопункт имел слабую пропускную способность, был рассчитан на одновременный прием 500–700 человек, а в эшелонах прибывало 1200–2000 человек. В связи с этим часть эшелонов разгружалась на прилегающих к Омску станциях, что серьезно осложняло проводимую работу [11, л. 5, 178].

Новосибирскому эвакопункту были переданы помещения школы № 1 (для взрослых) Томской железной дороги (ул. Вокзальная, д. 68) каменное здание с деревянной пристройкой и барак холостяков 5-го участка Сибстроймонтажтреста (ул. Ленина, 81). Общая их площадь составляла 190 м². При эвакопункте имелось общежитие на 30 мест, красный уголок, медпункт с изолятором, душевые (на 600 мест), баня-санпропускник, дезокамера, стационар (на 60 мест), обсервационный пункт на ст. Инская, две столовые. Круглосуточно функционировала продовольственная палатка и кубовая (на четыре титана). Дежурные пункты для встречи эшелонов и вагонов находились на вокзале и в здании технической конторы. Все изменилось 31 августа 1942 г., когда эвакопункт был выселен в помещение пригородных касс. Об этом двухмесячном периоде работы эвакопункта его новый начальник С. Половинкин докладывал заместителю председателя облисполкома В. Хайновскому 10 октября 1942 г. следующее: «Эвакопункт до сих пор не имеет своего помещения. Эвакуированные, прибыв на ст. Новосибирск, испытывают исключительные лишения. Остановиться ночевать им негде, питание получают на улице под дождем, стоя в плохой одежде и обуви в воде и грязи» [12, л. 22, 65]. И только благодаря усилиям работников эвакопункта и помощи руководства области с 12 ноября 1942 г. эвакопункт вновь работал в надлежащих условиях [2, с. 254].

Ряд эвакопунктов, например Инский, имели помещение 3–4 м², а некоторые, как Барабинский, вообще его не имели [13, л. 14, 35]. Так же, как и везде, существовала проблема кадров и их текучести. В Новосибирске с июля 1941 г. по апрель 1943 г. сменилось четыре начальника эвакопункта [2, с. 43, 259].

В силу этих и ряда других обстоятельств обеспечить качественную работу по обслуживанию многотысячной массы эвакограждан было делом довольно сложным. Поэтому в период массового прибытия эвакуированного населения эвакопункты

с большим трудом справлялись со своими задачами.

Работа местных органов власти и эвакуационных пунктов с эвакуированным населением велась в двух направлениях: прием прибывших по эвакуации в область, край на временное жительство и обслуживание эвакуированных, следующих транзитом в другие области Сибири, Средней Азии, Казахстана.

Все тыловые области, принимавшие эвакуированное население, были разделены на группы первой и второй очереди. Западно-сибирский регион относился и к первой, и ко второй. В первую очередь эвакуированных принимали Новосибирская и Омская области, во вторую – Алтайский край [14, л. 399].

Первые эвакуированные начали прибывать в Сибирский регион в начале июля 1941 г. Уже 3 июля на 18.00 местного времени на участке Чулымская – Новосибирск, на станциях Инская, Новосибирск и Тайга находились эшелоны с эвакуированными [15, л. 6]. О численности и составе прибывших в Новосибирскую область первых эвакуированных дают представление четыре справки «О прибытии эвакуированных советских граждан из прифронтовой полосы в города и районы Новосибирской области», адресованные секретарю Новосибирского обкома партии М. В. Кулагину, подписанные заместителем председателя облисполкома М. Фединым, датированные 11, 12, 14 и 17 июля 1941 г. Согласно этим документам, с 3 по 17 июля 1941 г. в Новосибирскую область прибыло 279 семей (614 человек), из них 17 мужчин (2,7 %), 318 женщин (51,8 %), 279 детей (45,5 %). По составу прибывших можно предположить, что это были семьи командного и начсостава Красной армии [16, л. 3–10].

В Омской области и Алтайском крае эвакуированные также были уже в июле [17, л. 66, 68, 117]. По данным Совета по эвакуации, уже 17 июля 1941 г. на девяти крупнейших транспортных магистралях страны (Северной, Горьковской, Казанской, Пензенской, Южной, Юго-Восточной, им. Кагановича, Южно-Уральской, Омской) находилось 45 эшелонов (1938 вагонов) с эвакуированными, направленными в Сибирский регион. Из них 39 эшелонов (1739 вагонов) принимала Западная Сибирь, остальные – Восточная [18, л. 21–27].

Поток эвакуированных с каждым днем увеличивался. На 15 августа 1941 г. Западная Сибирь приняла 52,7 тыс. человек, на 31 августа – 75,3 тыс., на 30 сентября – 351,7 тыс. [19, л. 66, 68, 142, 150, 154]. Широкие масштабы эвакуационных перевозок приняли глубокой осенью 1941 г., когда враг начал наступление на Москву.

Важнейшей составляющей эвакуационного процесса была проблема организации питания эвакуированного населения в пути следования к местам назначения. СНК СССР постановлением от 16 июля 1941 г. «О питании эвакуированного населения из прифронтовой полосы» возложил на Трансторгпит, Главк железнодорожных буфетов и ресторанов Востока обязанности по организации на железнодорожном, речном транспорте двухразового для взрослых и трехразового для детей бесплатного горячего питания из расчета 6 руб. в сутки на человека за счет союзного бюджета во время всего пути следования и 5–7 дней по прибытии на места расселения [20, л. 314].

Норма продуктов для приготовления горячих обедов для одного человека в день составляла: крупа – 100 г, мука – 500 г (вместе с потребностями на производство), сахар – 28 г, жиры – 15 г, кондитерские изделия – 50 г, колбаса – 15 г, рыба – 30 г, яйца – 1–2 штуки. На каждого человека выдавался и один кусок мыла на 15 дней [21, л. 76].

В связи с трудностями продовольственного обеспечения в марте 1943 г. были введены новые нормы из расчета 3 руб. на человека в день. По ним на двухразовые обеды на человека полагалось: мясопродуктов – 50 г, крупы – 50, жиров – 10, хлеба – 200 г. Повышенными нормами продуктов были только для измученных голодом и блокадой ленинградцев. Им выделялось на человека в день: мяса, рыбы – 75 г, крупы – 50, жиров – 40, кондитерских изделий – 150, сухофруктов – 20, хлеба – 500, масла животного – 40 г. Кроме этого, на 1–2 дня они получали сухой продукт по норме: 500 г хлеба, 50 г животного масла, 20 г сахара. Для ленинградцев в период их эвакуации выделялись дополнительные фонды [22, л. 44–48].

В целях своевременного обеспечения питанием эвакуированного населения диспетчерские службы дорог, как правило, предупреждали эвакуационные пункты о подходе эшелонов. Проходящие эшелоны получали питание по талонам эвакуационных пунктов через станционные буфеты коллективно, для чего начальники эшелонов представляли эвакуационным пунктам эшелонные списки. На питание в эшелоне 300 человек отводилось не более 6 часов [22].

Эвакуированные, прибывающие группами и в одиночку, питались также по талонам эвакуационных пунктов, но получали их самостоятельно, простаивая подчас многочасовые очереди за талонами, а затем за обедами. Эвакуированным, направляемым для расселения в районы, из-за отсутствия во многих из них столовых питание часто выдавалось сухим пайком [23, л. 5].

Организация питания сотен тысяч людей была делом сложным. Нехватка продуктов, теснота помещений, отсутствие должного оборудования, по-

суды, квалифицированных специалистов, недостаток времени были факторами, серьезно влияющими на качество обслуживания.

Правительство выделяло на эти цели специальные фонды, которые в условиях войны не могли быть неограниченными. Но и из этих фондов, как свидетельствуют многочисленные проверки состояния питания эвакограждан через дорбуфеты и Трансторгпит сибирских железных дорог, далеко не все продукты доходили до места назначения. Отсутствие строгого контроля за их расходованием, доступ посторонних лиц в производственные цеха, буфеты, фабрики-кухни Трансторгпита и на склады, расходование фондов продовольствия без учета контингента эвакуированных приводили к грубым нарушениям. Так, в IV квартале 1941 г. головной буфет ст. Новосибирск получил для питания эвакуированных и их детей 84,5 т муки, 12,4 т крупы, 6,7 т мяса, 5,0 т колбасных изделий, 4,1 т животного масла, 1,1 т растительного масла, 4,7 т рыбы, 2,5 т сахара, 0,5 т сыра, 3 т молочных продуктов, 8 ящиков яиц. В ходе проведенной в конце декабря 1941 г. проверки было установлено, что из реализованных за октябрь – декабрь 1941 г. 1757 тыс. обедов эвакуированным было выдано 231 тыс., что составляло 13,2 % к общему числу обедов. К расходованием же продуктовых фондов, предназначенных для эвакограждан, это составляло: по сливочному маслу – 92 %, по сахару – 37,5 %, по мясу – 30 %, по рыбе – 40 %, а в целом до 50 %. Не по назначению ушли многие продукты, но прежде всего 1528 кг животного и 1100 кг растительного масла [24, л. 231].

В январе – марте 1943 г. в Омске через столовую железнодорожного буфета обеды выдавались из двух блюд: на первое – суп с крупой или зеленой капустой, на второе – галушки из ржаной или черно-пшеничной муки. Жиров к питанию не отпускалось. Сухие пайки, кроме хлеба, в дорогу не выдавались, ибо не было ни масла, ни сахара [25, с. 164].

Серьезные нарушения были в организации детского питания. Так, заведующая буфетом ст. Инская т. Синченко калькуляцию детского питания производила лишь на 200 человек (при ежедневном их количестве от 300 до 700 человек), а на остальных детей продукты отпускались сухим пайком, а калькулировались как готовые блюда. В меню ставились такие продукты, как, например, яйца, которые эвакуированным детям не выдавались. Это создавало возможность расхищения и разбазаривания продуктов детского питания.

Общим недостатком всех эвакопунктов в решении вопроса организации питания эвакуированного населения было отсутствие с их стороны контроля за выдачей талонов на обеды и хлеб. Та-

лоны выдавались без проверки документов и людей в вагонах. Только за 1941 г. дорбуфет ст. Инская вместо необходимых 20000 кг хлеба выдал 27214 кг, израсходовав 7214 кг не по назначению [26, л. 36, 36об].

Наряду с наличием серьезных недостатков в работе по обеспечению эвакуированного населения питанием в пути следования было немало примеров чуткого, внимательного отношения к прибывшим людям. Комиссия облисполкома, проверяющая кафе-столовую № 1 на ст. Новосибирск-1 в январе 1942 г., знакомясь с содержанием книги жалоб и предложений, установила, что большинство эвакограждан в своих отзывах отмечали положительные стороны обслуживания прибывших, хорошо отзывались и о питании. В августе 1941 г. группа жен комсостава из г. Благовещенска (14 человек) благодарила официантов за быстрое и вежливое обслуживание и вкусный обед. Такую же запись оставили 8 декабря 1941 г. жены комсостава из г. Киева. 14 января 1942 г. из личной беседы проверяющих с эвакуированными из Ленинграда выяснилось, что за все время нахождения в пути (с 19 декабря 1941 г.) они в первый раз получили вкусный обед в Новосибирске. За ноябрь – декабрь 1942 г. в книге жалоб и отзывов столовой и дорожного буфета Барабинского эвакопункта эвакограждане оставили 8 жалоб и 54 благодарности. О хорошей работе этого коллектива по обеспечению питанием в пути следования эвакограждан 8 августа 1942 г. рассказывала на своих страницах областная газета «Советская Сибирь», а 12 ноября 1942 г. «Омский железнодорожник» [27, л. 299].

В целом, несмотря на серьезные недостатки, эвакопункты Сибири вели большую работу по обеспечению питанием эвакуированного населения. Так, Инский эвакопункт с 1 октября 1942 г. по 15 апреля 1943 г. принял и накормил 51868 эвакограждан, в том числе 13278 детей [28, л. 18]. Барабинский с 10 августа 1942 г. до 1 января 1943 г., всего за четыре месяца, принял и обеспечил питанием 154 эшелона (144517 человек), отпустив эвакуированным 200496 обедов, а с января по август 1943 г. выдал обеды еще 161639 эвакуантам [29, л. 12–13]. Новосибирский эвакопункт с декабря 1941 г. по 15 апреля 1942 г. выдал 198888 обедов, из них 168825 взрослым и 30063 детям [30, л. 1, 8, 9, 14, 20об]. С 20 июня 1942 г. по 15 марта 1943 г. этот же эвакопункт отпустил эвакогражданам 561902 обеда. Все проходящие эшелоны были обеспечены обедами из двух блюд и хлебом по 400–500 г. Для детей готовились и отпускались специальные обеды. Каждый пассажир получал горячую пищу 2–3 раза в сутки [2, с. 258–259].

Кроме питания эвакопункты оказывали денежную и материальную помощь эвакуантам. Новоси-

бирский эвакуационный пункт с июля 1941 г. по апрель 1942 г. выдал 5280 семьям денег в сумме 14383 руб. и оказал материальную помощь 621 семье на сумму 35860 руб., 1490 человек получили в эвакуационном пункте ордера на приобретение одежды и обуви. Омский эвакуационный пункт с января 1942 г. по март 1943 г. оказал денежную помощь 1339 семьям на сумму 49232 руб. [31, л. 16–17, 72–73, 97, 69–69об].

Подобная работа велась всеми эвакуационными пунктами Сибири. Эта помощь была недостаточной, но все же она была материальной и моральной поддержкой людям, оказавшимся в тяжелых условиях.

Крупномасштабные передвижения людского контингента в условиях скученности, антисанитарии, большая вынужденная контактность эвакуантов в пути и на вокзалах, холод, отсутствие теплой одежды, обуви, недоедание вызвали резкий рост заболеваний как среди эвакуированных, так и среди населения сибирских областей, в которые расселялись прибывшие. Инфекции распространялись с потоками эвакуированных, поэтому решение проблемы начиналось с обеспечения санитарного контроля, обработки и оказания медицинской помощи эвакуантам во время движения их на транспорте к местам назначения. 30 июня 1941 г. Наркомздравом СССР совместно с Наркоматом путей сообщения было разработано Положение о медико-санитарном обслуживании населения, эвакуируемого из угрожаемых районов, которое предусматривало комплекс противоэпидемических мероприятий на транспорте. С целью максимальной активизации противоэпидемической деятельности на 24 крупнейшие транспортные магистрали страны были направлены уполномоченные Всесоюзной санитарной инспекции (ВГСИ). В Сибири они работали на станциях Омск, Татарская, Новосибирск [32, с. 135].

Большинство эвакуационных пунктов не было оборудовано для эффективной санитарной обработки населения. Поэтому медико-санитарное обслуживание эвакуационными пунктами осуществлялось, как правило, через медико-санитарные органы железных дорог. На эвакуационных пунктах открывались медицинские изоляторы. Для санитарной обработки эвакуированных привлекались существующие и вновь построенные банно-прачечные и дезинфекционные установки. Госпитализация инфекционных больных осуществлялась в изоляторах изопродунктов, а стационарное лечение – в городских и районных больницах. Эвакуационные пункты выявляли и изолировали всех больных и подозрительных с острозаразными заболеваниями, осуществляли санитарно-профилактические мероприятия (дезинфекции), прививки.

Для временной изоляции эвакуированных, имевших контакт с выявленными в вагонах инфекционными больными, оборудовались наблюдательные пункты. Такой пункт, развернутый на станции Омск, имел общежитие для обслуживаемых на 100 коек, санитарный пропускник с двумя дезинфекционными камерами, изолятор на 50 коек со своим санитарным пропускником, столовую на 250 посадочных мест [33, с. 208]. Новосибирский эвакуационный пункт имел такое же учреждение на ст. Инская, обсервация эшелонов проводилась изопродункником. Однако в силу целого ряда причин (дефицита квалифицированных кадров, материальных и административных ресурсов) решить проблему быстро не удалось.

Акты осмотра проходящих эшелонов с эвакуируемым населением, получаемые областными органами здравоохранения сибирских областей от изопродункников, свидетельствовали о массовом поражении педикулезом прибывающего населения. В ноябре 1941 г. на Томской железной дороге прошли эшелоны с поражением педикулезом 60–80 % прибывающих. Актом осмотра эшелона № 668 от 26 ноября 1941 г. констатировано 100 %-е поражение педикулезом и при этом отказ начальника эшелона от проведения санитарной обработки [34, л. 103]. Из прошедших в январе – апреле 1942 г. эшелонов на Новосибирский эвакуационный пункт поступило 72384 человека, из которых санобработку прошли только 23891 человек (33,0 %) [35, л. 5–9]. Из приведенных выше данных видно, что даже крупнейший эвакуационный пункт Сибири не мог обеспечить достаточно полного медико-санитарного обслуживания прибывших эвакуированных. На менее крупных эвакуационных пунктах Сибири положение было еще сложнее. На Барабинском эвакуационном пункте медпункта не было вообще. Обследование эвакуированных и эвакуационных поездов проводил медперсонал вокзала. Санобработку на ст. Барабинск проходили только те эвакуированные, которые размещались в Здвинском районе. Эшелоны, предназначенные для Барабинска, проходили санобработку в Барабинске [2, с. 252].

Перелом в работе произошел в апреле 1942 г., когда сразу на 198 крупных железнодорожных узлах и станциях Советского Союза были сформированы чрезвычайные органы – санитарно-контрольные пункты (СКП). В Западной Сибири они действовали на станциях Омск, Инская, Тюмень, Чулымская, Тайга, Томск-I, Сталинск, Топки. На станции Новосибирск-главный работали два СКП. Их сотрудники получили, по сути, чрезвычайные полномочия и солидное материально-техническое подкрепление. С февраля 1942 г. по решению ГКО были созданы чрезвычайные противоэпидемические комиссии. Был организован оперативный учет острозаразных заболеваний как в мас-

штабах страны, так и в отдельных регионах. Сводки о количестве инфекционных больных, снятых с поездов, об уровне смертности ежедневно телеграфными донесениями направлялись с мест в Наркомат здравоохранения СССР. Все больные госпитализировались [32, с. 145]. Принятые меры дали результаты. Так, с 20 апреля 1942 г. по 1 января 1943 г. из прошедших через Новосибирский эвакопункт 227 эшелонов санитарной обработке подверглись 178, или 78,4 % [2, с. 255]. Следует подчеркнуть, что в проводимой работе и ее результатах важную роль играла мощность людских потоков: санитарный контроль на транспорте был достаточно надежным во время снижения людских перевозок и не совсем выдерживал массовые.

Несмотря на трудности и недостатки, эвакопункты Западной Сибири вели большую напряженную работу по приему и обслуживанию эвакуированного населения. Так, только Новосибирский эвакопункт, крупнейший в Сибири, за июль – декабрь 1941 г. принял 409 эшелонов (в июле – 6, августе – 72, сентябре – 54, октябре – 67, ноябре – 86, декабре – 124). За 1942 г. – 499 эшелонов и 6 вагонов: в январе – 104, феврале – 76, марте – 13, апреле – 5 (но ежедневно следовали вагоны с эвакуируемыми, следовавшими в одиночном порядке, до 1 тыс. человек в сутки), июне – сентябре – 193, октябре – 61, ноябре – 34, декабре – 13 эшелонов и 6 вагонов. За январь – март 1943 г. 13 эшелонов и 6 вагонов.

Помимо них, так же как и в апреле 1942 г., все эти три месяца ежедневно следовали вагоны с эвакуируемыми в одиночном порядке (до 1 тыс. человек в сутки). В целом за июль 1941 г. – март 1943 г. этот эвакопункт принял и обслужил 921 эшелон и 6 вагонов с эвакуированным населением [36, л. 22, 1, 1об, 5, 8, 8об, 48–51, 17–18]. Наивысшее напряжение в работе имело место в ноябре – декабре 1941 г., январе 1942 г. на первом этапе эвакуации, июле – октябре 1942 г. (на втором этапе).

Большую работу по решению поставленных правительством задач вели и другие эвакопункты Западной Сибири, являясь важнейшей составной частью эвакуационного механизма. В целом же эвакуационный механизм, выработанный в СССР, несмотря на серьезные недостатки, оказался эффективным. Он выполнил свою главную задачу – в тяжелейших условиях войны позволил нашему государству переместить в тыловые районы страны миллионы людей, сохранить им жизнь, включив этот огромный человеческий потенциал для реализации главного лозунга тех лет «Все для фронта, все для Победы» [37].

Эвакуация населения из прифронтовой полосы в тыл страны, реализация государственной политики по отношению к эвакуируемым стали важнейшим источником Победы советского народа над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–26.
2. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 1. «Исход». Томск, 2005. 360 с.
3. ГАРФ. Ф. А-327, оп. 2, д. 6.
4. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени (1941–1942 гг.). Л., 1942. 284 с.
5. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. М., 1961. Т. 2. 682 с.
6. ГААК. Ф. Р-834, оп. 11, д. 33.
7. ГАНО. Ф. Р-1020, оп. 1, д. 511; Ф. Р-1030, оп. 1, д. 136.
8. ГАРФ. Ф. А-327, оп. 2, д. 54; ИСАОО. Ф. 17, оп. 7, д. 111.
9. ГАКО. Ф. П-15, оп. 8, д. 27; ИСАОО. Ф. Р-253, оп. 1, д. 870.
10. ГААК. Ф. Р-834, оп. 11, д. 33.
11. ИСАОО. Ф. 17., оп. 7, д. 116; Ф. Р-235, оп. 1, д. 868.
12. ГАНО. Ф. Р-1030, оп. 1, д. 137; Ф. П-4, оп. 34, д. 44.
13. ГАНО. Ф. Р-1030, оп. 1, д. 137; 142; 207.
14. ГААК. Ф. Р-834, оп. 11, д. 33.
15. ГАНО. Ф. Р-1030, оп. 1, д. 512.
16. ГАНО. Ф. П-4, оп. 34, д. 114.
17. ГАРФ. Ф. А-327, оп. 2, д. 66.
18. ГАРФ. Ф. 6822, оп. 1, д. 508.
19. ГАРФ. Ф. А-327, оп. 2, д. 66.
20. ГААК. Ф. Р-834, оп. 11, д. 33.
21. ГАРФ. Ф. 6822, оп. 1, д. 435.

22. ГАНО. Ф. Р-1030, оп. 1, д. 142; 157; 207; 213; 272.
23. ИСАОО. Ф. 17, оп. 7, д. 111.
24. ГАНО. Ф. Р-1030, оп. 1, д. 199.
25. ГАРФ. Ф. А-327, оп. 2, д. 383.
26. ГАНО. Ф. Р-1030, оп. 1, д. 137.
27. ГАНО. Ф. Р-1030, оп. 1, д. 172.
28. ГАНО. Ф. Р-1030, оп. 1, д. 270.
29. ГАНО. Ф. Р-1030, оп. 1, д. 207.
30. ГАНО. Ф. Р-1030, оп. 1, д. 137.
31. ГАРФ. Ф. А-327, оп. 2, д. 33; 34.
32. Исупов В. А. Главный ресурс Победы. Новосибирск, 2008. 378 с.
33. Иванов Н. Г., Георгиевский А. С., Лобастов О. С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Л., 1985. 304 с.
34. ГАНО. Ф. Р-1030, оп. 1, д. 142.
35. ГАНО. Ф. Р-1030, оп. 1, д. 137.
36. ГАРФ. Ф. А-327, оп. 2, д. 33; ГАНО. Ф. Р-1030, оп. 1, д. 137; 204; 207.
37. Снегирева Л. И. Эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в трудах исследователей региона // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 9 (99). С. 103–108.

Снегирева Л. И., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: snegireva@vtomske.ru

Материал поступил в редакцию 26.12.2013.

L. I. Snegireva

EVACUATION CENTERS IN WESTERN SIBERIA AND THEIR ROLE IN THE EVACUATION OF THE POPULATION TO THE REGION (1941–1943)

The article deals with the analysis of the activities of evacuation centers as a vital link of evacuation mechanism that took the brunt of the work on the population relocation from frontline areas to the West Siberian rear area.

Key words: evacuation centers, evacuation, the Great Patriotic War, evacuation mechanism.

References

1. Kumanev G. A. The war and evacuation in the USSR. 1941–1942. *Modern and Contemporary History*, 2006, no. 6, pp. 7–26 (in Russian).
2. *In the name of the Victory: the evacuation of the civilian population to Western Siberia during the Great Patriotic War in documents and materials.* In 3 volumes. Tomsk, 2005, vol. 1 "Exodus", 360 p. (in Russian).
3. *The State Archive of the Russian Federation.* Collection A-327, Register 2, File 6 (in Russian).
4. *Collection of decrees, resolutions, decisions, directives and orders of the wartime (1941–1942).* Leningrad, 1942. 284 p. (in Russian).
5. *The History of the Great Patriotic War of the Soviet Union.* In 6 volumes. Moscow, 1961, vol. 2. 682 p. (in Russian).
6. *The State Archive of the Altai Territory.* Collection P-834, Register 11, File 33. (in Russian).
7. *The State Archive of the Novosibirsk Region.* Collection P-1020, Register 1, File 511; Collection P-1030, Register 1, File 136 (in Russian).
8. *The State Archive of the Russian Federation.* Collection A-327, Register 2, File 54; The Historical Archive of the Omsk region. Collection 17, Register 7, File 111 (in Russian).
9. *The State Archive of the Kemerovo Region.* Collection П-15, Register 8, File 27; The Historical Archive of the Omsk region. Collection P-253, Register 1, File 870 (in Russian).
10. *The State Archive of the Altai Territory.* Collection P-834, Register 11, File 33 (in Russian).
11. *The Historical Archive of the Omsk region.* Collection 17, Register 7, File 116; Collection P-253, Register 1, File 868 (in Russian).
12. *The State Archive of the Novosibirsk Region.* Collection P-1030, Register 1, File 137; Collection П-4, Register 34, File 44 (in Russian).
13. *Ibidem.* Collection P-1030, Register 1, File 137; File 142, Folio 47; File 207 (in Russian).
14. *The State Archive of the Altai Territory.* Collection P-834, Register 11, File 33 (in Russian).

15. *The State Archive of the Novosibirsk Region*. Collection P-1030, Register 1, File 512 (in Russian).
16. *The State Archive of the Novosibirsk Region*. Collection П-4, Register 34, File 114 (in Russian).
17. *The State Archive of the Russian Federation*. Collection A-327, Register 2, File 66 (in Russian).
18. *The State Archive of the Russian Federation*. Collection 6822, Register 1, File 508 (in Russian).
19. *The State Archive of the Russian Federation*. Collection a-327, Register 2, File 66 (in Russian).
20. *The State Archive of the Altai Territory*. Collection P-834, Register 11, File 33 (in Russian).
21. *The State Archive of the Russian Federation*. Collection 6822, Register 1, File 435 (in Russian).
22. *The State Archive of the Novosibirsk Region*. Collection P-1030, Register 1, File 142; File 157; File 207; File 213; File 272 (in Russian).
23. *The Historical Archive of the Omsk region*. Collection 17, Register 7, File 111 (in Russian).
24. *The State Archive of the Novosibirsk Region*. Collection P-1030, Register 1, File 199 (in Russian).
25. *The State Archive of the Russian Federation*. Collection A-327, Register 2, File 383 (in Russian).
26. *The State Archive of the Novosibirsk Region*. Collection P-1030, Register 1, File 137 (in Russian).
27. *Ibidem*. File 172 (in Russian).
28. *The State Archive of the Novosibirsk Region*. Collection P-1030, Register 1, File 270 (in Russian).
29. *The State Archive of the Novosibirsk Region*. Collection P-1030, Register 1, File 270 (in Russian).
30. *The State Archive of the Novosibirsk Region*. Collection P-1030, Register 1, File 137 (in Russian).
31. *Numbered according to the reports of the evacuation centers: The State Archive of the Russian Federation*. Collection A-327, Register 2, File 33; File 34 (in Russian).
32. Isupov V. A. *The main resource of the Victory*. Novosibirsk, 2008. 378 p. (in Russian).
33. Ivanov N. G., Georgiyevskiy A. S., Lobastov O. S. *Soviet public health service and military medicine during the Great Patriotic War (1941–1945)*. Leningrad, 1985. 304 p. (in Russian).
34. *The State Archive of the Novosibirsk Region*. Collection P-1030, Register 1, File 142 (in Russian).
35. *The State Archive of the Novosibirsk Region*. Collection P-1030, Register 1, File 137 (in Russian).
36. *The State Archive of the Russian Federation*. Collection A-327. Register 2, File 33; *The State Archive of the Novosibirsk Region*. Collection P-1030, Register 1, File 137; File 204; File 207 (in Russian).
37. Snegireva L. I. The evacuation of civilian population to West Siberia in the years of the Great Patriotic war in works of the researcher of this region. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, vol. 9 (99), pp. 103–108 (In Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634041.

E-mail: snegireva@vtomske.ru